

УДК 327.83

ВАЖНОСТЬ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ ДЛЯ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ КОНТАКТОВ С ГЛОБАЛЬНЫМ ЮГОМ

© 2024 КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович

Член-корреспондент РАН, доктор экономических наук

Директор, главный научный сотрудник, Институт научной информации

по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)

117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 51/21

E-mail: Kuznetsov@inion.ru

Поступила в редакцию 14.11.2024

Принята к публикации 09.12.2024

Аннотация. В последние годы происходит ускоренный разворот России на Восток и глобальный Юг. Прежде всего обращают на себя внимание изменившиеся внешнеполитические приоритеты страны и сдвиги в географии ее внешней торговли. Однако наблюдается и интенсификация российских научных связей с рядом развивающихся государств. Вместе с тем есть немало сложностей с развитием научных контактов со странами глобального Юга, причем существенным вопросом является выработка правильной стратегии минимизации существующих языковых барьеров. В статье отмечена растущая, однако до сих пор ограниченная роль английского языка в научной деятельности. Показано, что государства с многочисленным населением и развитой сферой НИОКР сами не предпринимают нужных усилий для сохранения значимой роли национального языка в научной деятельности, что особенно для современной России. В то же время языки бывших европейских метрополий – не только английский, но и французский, испанский и португальский играют значимую роль в научной жизни многих государств глобального Юга. В этой связи для успешного позиционирования российских исследовательских организаций и их достижений требуется сочетание ставки на использование основных европейских языков в научных контактах с партнерами на глобальном Юге с постепенным расширением числа российских специалистов со знанием восточных языков. Отдельной задачей, позволяющей находить новые решения в цифровую эпоху, является продвижение за рубежом русскоязычного сегмента публикаций. Среди прочего это

направление применения «мягкой силы» можно осуществлять с помощью подготовки тематических англоязычных библиографий.

Ключевые слова: язык науки, доминирование английского языка, сохранение значения национальных языков, разворот России на глобальный Юг, мягкая сила, тематические англоязычные библиографии

DOI: 10.31857/S0201708324070143

С началом СВО на Украине Россия резко ускорила свой разворот на глобальный Юг, хотя процесс интенсификации политических контактов с так называемыми развивающимися государствами и усиление роли стран Востока во внешней торговле медленно шел уже больше десятилетия, отражая общий дрейф «центра» современного мира в Азиатско-Тихоокеанский регион. Проведенный нами расчет на основе обрывочных отечественных официальных данных об объемах российского товарооборота и «зеркальной» статистики стран-партнеров показал, что по итогам 2023 г. Индия вышла на 2-е место после Китая, увеличив показатель в течение двух лет с 1,7 до 9,1% (в абсолютном измерении в 4,8 раза), а Турция – с 4,3 до 8,0% (в долларовом выражении в 1,7 раза – как и у Китая, удельный вес которого во внешней торговле России товарами вырос с 18% в 2021 г. до 33,8% в 2023 г.). В число важных торговых партнеров России «ворвались» ОАЭ (подъем с 28 на 8-е место с долей 1,7%, что стало сопоставимо с удельным весом ФРГ), Узбекистан (подъем с 23 на 11-е место с долей 1,4%, равной доли Японии), Египет (подъем с 33 на 21-е место с долей 0,8%, равной доли США во внешней торговле нашей страны) [Кузнецов, 2024: 253–254].

Очевидна смена географических приоритетов России и во внешнеполитической сфере. При этом речь идет не только о «негативных» трендах, проявившихся в новой холодной войне с коллективным Западом и появлении у России списка недружественных государств, но и о «позитивных» изменениях, связанных с расширением активности России в различных регионах глобального Юга. Самым ярким результатом стало расширение БРИКС, включившее с начала 2024 г. в свой состав таких значимых для России партнеров, как Иран, ОАЭ, Египет и Эфиопия (по итогам прошедшего осенью Казанского саммита БРИКС появился также формат стран-партнеров, список которых уже состоит из 13 государств, довольно тесно взаимодействующих с РФ). Вместе с тем даже в анализе этих процессов, проводимом признанными отечественными учеными, такой аспект, как активизация научно-технического сотрудничества, почти всегда оказывается на втором плане. В качестве иллюстрации можно привести серьезные статьи в журналах с индексацией в RSCI о перспективах российско-латиноамериканского сотрудничества по всему спектру возможных контактов [Яковлев, 2022; Зувев, Островская, Левина, 2024], – там сфера НИОКР не упомянута вовсе.

В этой связи следует подчеркнуть, что без внимания к возможностям технологического прорыва вне критической зависимости от коллективного Запада трудно рассчитывать на ощутимые результаты, которые могли бы дать долгосрочный разворот России на Восток и в целом на глобальный Юг. Особенно это касается стра-

тегической цели, о которой много говорят, а именно о построении нового, более справедливого полицентричного мироустройства. Недоучет потенциала, которым обладают в сфере НИОКР российские экономические партнеры на глобальном Юге, особенно среди членов и стран – партнеров БРИКС, был бы большой ошибкой. В то же время, на пути полного раскрытия этого потенциала у России имеется много препятствий, причем среди основных следует отметить языковые барьеры. Во многих странах глобального Юга успешные связи можно установить с помощью ведущих европейских языков.

Ключевые игроки в сфере НИОКР в странах глобального Юга и языковой фактор

Большинство стран-лидеров в сфере НИОКР относятся к числу государств, включенных в список недружественных, причем большинство ограничений (причем часто неформальных) для сотрудничества с исследовательскими организациями и учеными из России ввели главным образом сами западноевропейские страны и США. В Тихоокеанской Азии лидерами по расходам на НИОКР являются отнюдь не союзники России, а именно Япония, Республика Корея, остров Тайвань и Сингапур. Таким образом, российские исследовательские организации и технологические компании фактически оказались в частичной изоляции на международной арене. Вместе с тем нельзя забывать, что на глобальном Юге также есть немало стран, которые по доле расходов на НИОКР не сильно уступают, а иногда и превосходят Россию. Для иллюстрации приведем сведения о девяти странах БРИКС, объявленных по итогам Казанского саммита 2024 г. 13 странами-партнерами, а также Саудовской Аравии и Аргентине, сближение которых с БРИКС нельзя исключать в дальнейшем.

Среди представленных 24 стран РФ занимает 6-е место по соотношению расходов на НИОКР и ВВП, пропуская вперед Китай, ОАЭ, Турцию, Таиланд и Бразилию, и находясь примерно на одном уровне с Малайзией и Египтом (см. табл. 1). По абсолютным расходам Россия многократно уступает лишь Китаю, отставая от Индии и Бразилии (мы не стали учитывать паритеты покупательной способности валют, поскольку странам глобального Юга большинство оборудования, реактивов, научной литературы и других важных составляющих приходится закупать за рубежом, ориентируясь на текущие курсы валют). К числу заметных участников сферы НИОКР, помимо названных девяти стран, можно отнести Иран, ЮАР и Алжир.

Как видно из таблицы 1, только у двух из 12 связанных с БРИКС стран, лидирующих в сфере НИОКР, английский язык имеет статус государственного, причем в Индии он является вторым, а в ЮАР одним из 11 наряду с африкаансом и десятью языками африканских языковых групп. Во второй дюжине стран английский имеет официальный статус только в Нигерии и Уганде (наряду с суахили, также недавно получившим такой статус). Несколько стран официально используют другие европейские языки – португальский в Бразилии, испанский в Аргентине,

на Кубе и в Боливии. В Алжире французским – языком бывшей метрополии – владеет около трети населения.

Разумеется, английский весьма распространен в научном мире повсеместно, как в свое время латынь, а впоследствии немецкий или французский. Показательно, что даже в ЕС, где после брекзита английский остается родным лишь примерно для 1% населения, его роль в качестве *lingua franca* не оспаривается в научной сфере, где сложились мощные национальные школы во многих государствах – членах ЕС [Modiano, 2024].

Таблица 1

Расходы на НИОКР в государствах – членах и странах – партнерах БРИКС

Страна	Расходы на НИОКР, % ВВП (2021, если не указано иное)	Расходы на НИОКР, млрд. долл. (по рыночным курсам)	Государственные (официальные) языки	Страна	Расходы на НИОКР, % ВВП (2021, если не указано иное)	Расходы на НИОКР, млрд. долл. (по рыночным курсам)	Государственные (официальные) языки
Китай	2,43	433,1	Китайский	Аргентина	0,52	2,5	Испанский
ОАЭ	1,50	6,2	Арабский	Белоруссия	0,46	0,3	Белорусский и русский
Турция	1,40	11,5	Турецкий	Саудовская Аравия	0,45	3,9	Арабский
Таиланд	1,21	6,1	Тайский	Вьетнам	0,43	1,6	Вьетнамский
Бразилия	1,15*	19,2	Португальский	Куба	0,32	0,3	Испанский
Россия	0,96	17,7	Русский	Нигерия	0,28**	1,2	Английский
Малайзия	0,95*	3,6	Малайский	Индонезия	0,28*	3,3	Индонезийский
Египет	0,91	3,9	Арабский	Эфиопия	0,27***	0,3	Амхарский
Иран	0,79**	2,8	Фарси	Боливия	0,16^^	менее 0,1	Испанский и 36 индейских языков
Индия	0,65*	20,6	Хинди; английский	Уганда	0,14^	менее 0,1	Английский; суахили
ЮАР	0,60*	2,5	11, включая английский	Казахстан	0,13	0,3	Казахский; русский
Алжир	0,53***	1,0	Арабский, алжирский берберский	Узбекистан	0,13	менее 0,1	Узбекский

* – 2020 г.; ** – 2019 г.; *** – 2017 г.; ^ – 2014 г.; ^^ – 2009 г.

В Белоруссии оба официальных языка имеют статус государственного. В ряде субъектов федераций и автономий есть свои государственные языки.

Источники: Research and development expenditure (% of GDP). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS>; GDP (current US\$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2022&start=1960> (дата обращения: 01.12.2024); тексты Конституций соответствующих стран.

Примечательно, что в странах другой, давно и в целом успешно существующей региональной интеграционной группировки – АСЕАН, роль английского языка, несмотря на придание ему статуса рабочего языка Ассоциации с амбициозной целью играть существенную роль в формировании региональной идентичности, не следует преувеличивать. По сути, в странах, где он был языком колонизаторов, и в других государствах английский используется прежде всего для обеспечения международных контактов [Lee, Hamid, Hardy, 2023]. В ФРГ, где за последние десятилетия позиции английского языка радикально укрепились, предлагают различать роль английского как самого популярного иностранного языка (который уже в школе может учить большинство населения) и в качестве языка межнационального общения, т. е. *lingua franca* [Mair, 2024: 247].

Вместе с тем вряд ли справедливо занижать роль китайского языка в китайской науке. С учетом того, что суммарные расходы на НИОКР остальных 23 стран, представленных в таблице 1, составляют лишь 25% от показателя КНР, а Китай все более усиливает свою внешнюю экспансию, нельзя недооценивать растущую важность китайского языка в международных научных контактах, особенно в перспективе. Не исключено, что этому будет способствовать активное продвижение базы данных CNKI, которая содержит англоязычные аннотации (что облегчает иностранцам поиск) и полные тексты статей на китайском языке всех научных журналов Китая (подробнее см. [Кузнецов, Соколов, 2022]).

Особенно важную роль национальные языки играют в общественных и гуманитарных науках. В частности, в Испании, которая по абсолютным расходам на НИОКР превосходит Россию более чем на 15%, и в Южной Корее, которая обгоняет нашу страну в 5 раз (при расчете по ППС – почти втрое), больше половины ученых по-прежнему предпочитают публиковаться, соответственно, на испанском и корейском. Основными мотивами служат стремление развивать контакты с национальным научным сообществом и карьерные соображения. Дополнительными факторами являются желание избежать штампов и концептуальных ограничений, вызванных англоязычным дискурсом, а также неготовность впустую растрачивать силы в неравной конкурентной борьбе за место в англоязычных журналах с учеными, для кого этот язык родной. Тем не менее показатели вовлеченности ученых в англоязычное сообщество быстро растут, поскольку международные контакты дают немало преимуществ [Li, 2018]. При этом надо помнить, что из значимых научных держав только в России общественные и гуманитарные исследовательские дисциплины традиционно считаются «второсортными» (не случайно, наша страна – один из аутсайдеров по доле общественных и гуманитарных наук в расходах на НИОКР). Фактически, по аналогии с афоризмом о финансировании либо своей, либо чужой армии, Россия, не желая «кормить» собственных обществоведов, уже многие годы живет по рецептам зарубежных, преимущественно западных, что в принципе делает почти нереализуемым активное продвижение к новому мироустройству. Примечательно, что многие потребители научных результатов обществоведов в России плохо владеют английским языком, т. е. получают «рецепты» в чьем-то пересказе, часто не слишком качественном.

Причины, меняющие роль национального языка в сфере НИОКР

Было бы иллюзией считать, что ослабление позиций национального языка в сфере НИОКР предопределено только глобализацией и другими внешними факторами. В реальности от политики государства зависит очень многое.

Во-первых, существенную базу для научно-технологической сферы закладывает высшее образование. К сожалению, в России последние десятилетия наблюдался слом качественной национальной системы образования. Так, можно отметить внедрение упрощенных западных программ, моду на обучение на английском языке. Особенно нелепо, когда российские профессора читают лекции группам с доминированием русскоязычных студентов, которые не слишком хорошо владеют английским, а при написании выпускных работ особое внимание уделяется цитированию англоязычных авторов, нередко плохо знающих российский материал. Необоснован переход на систему бакалавриат-магистратура.

В вузах нужна сильная языковая подготовка, причем помимо обязательного для современных специалистов английского языка на высоком уровне необходим преподаваться большой перечень других языков. И профессиональная, и языковая подготовка должны подкрепляться зарубежными стажировками, причем не ради отчета о студенческой или аспирантской мобильности, а для получения нужных дополнительных компетенций и опыта функционирования в чужой профессиональной среде. С этим в большинстве российских вузов существуют проблемы. Однако и во многих государствах глобального Юга проблема языковой самобытности высшего образования стоит весьма остро и решается по-разному. Особые проблемы возникают у бывших колоний и протекторатов Франции, где изначально образование в вузах велось на французском языке. В частности, в странах Магриба по политическим соображениям осуществляется постепенный переход на арабский язык (часто лексически не слишком приспособленный для преподавания современных естественно-научных дисциплин) с внедрением к тому же английского как языка международного общения в науке [Володина, 2020].

Во-вторых, для сохранения позиций национального языка в науке важную роль играет масштаб издательской деятельности в стране. Сворачивание поддержки научного книгоиздания, равно как и ликвидация сетей распространения научных книг в России, привели к тому, что рынок русскоязычной научной литературы сжался до состояния, которое не позволяет исследовательским организациям с избытком реализовывать новые книги. Бедственное положение большинства студентов вузов и сравнительно невысокие зарплаты в научно-образовательной сфере (в том числе по причине провала выполнения майских указов президента РФ от 2012 г. о среднем уровне зарплат) приводят к тому, что россияне не в состоянии платить за отечественные книги, учебники и научные журналы суммы, сопоставимые с установленными в США, Британии или других англоязычных странах. К этому надо добавить двух-, а то и трехкратные торговые наценки всех ведущих книжных сетей в России (они не делают различия между бульварными романами и

научными монографиями), которые обычно не оставляют научным издателям никакого дохода, а также меньший масштаб книжного рынка русскоязычного пространства по сравнению с англоязычным. Более того, этот масштаб был искусственно сокращен в ходе почти полного добровольного ухода России из Монголии, стран Центральной Азии и других государств, где еще недавно был высокий общественный запрос на научную литературу на русском языке. Поскольку этот запрос не всегда был подкреплён платежеспособным спросом, скорее всего, требовалось государственное субсидирование такого элемента российской «мягкой силы», но чиновники предпочли иное решение. Уничтожение российского научного книгоиздания продолжается: например, в конце 2024 г. вновь активизировалась дискуссия о резком сокращении числа обязательных экземпляров российской книжной продукции, чтобы лишить все тематические (в том числе научные) библиотеки новых поступлений книг на государственном языке. Первопричина – ликвидация существовавшей с 1917 г. Книжной палаты, в 2024 г. окончательно поглощенной Российской государственной библиотекой (РГБ), которая на практике плохо справляется с функциями распределителя обязательного экземпляра.

Проблемы книгоиздания на национальных языках не являются сугубо российскими. Многие бывшие колонии также не могут предложить рынку большой перечень наименований научной литературы на национальных языках даже при огромном количестве носителей языка. Например, в Индии, за редкими исключениями преимущественно в сфере филологической, культурологической и религиозно-ведческой литературы, все книги издаются на английском языке, а не на хинди или официальных языках штатов. Научное книгоиздание в арабских странах также выглядит весьма скромно на фоне статуса арабского языка (один из языков ООН, на котором говорят сотни миллионов человек) – он по-прежнему уступает в большинстве стран английскому или французскому. Однако вопрос продвижения научных результатов страны за рубежом может решаться и по-иному – лучшие книги и журнальные статьи, изданные изначально на национальном языке, потом переводятся на английский, впрочем, как и на другие широко распространенные иностранные языки. Одновременно государство поддерживает оперативный перевод качественной иностранной литературы на национальные языки (тут уместно вспомнить как советский опыт, так и современную практику Китая, Южной Кореи, Японии и некоторых других стран, тратящих существенные средства на НИОКР).

В-третьих, национальный язык остается там, где есть цель сохранения местного научного дискурса. К сожалению, неоколониальная политика стран коллективного Запада в большинстве государств достигла своих целей в интеллектуальной сфере. Это хорошо видно и в России, где некоторые эксперты путают изоляционизм в науке (действительно, ведущий к деградации научной сферы в стране) с засильем чуждых данной стране представлений. В качестве показательной иллюстрации приведем цитату из книги известного экономиста и историка, члена Британской академии Роджера Бэкхауса про монголо-татарское нашествие, которое в России принято считать катастрофическим переломом в поступательном развитии народов Восточной Европы: «экспансия торговли [Западной Европы] с Дальним Востоком стала возможной благодаря монгольским завоеваниям в Азии, которые позволили

создать единую, толерантную и миролюбивую империю, протянувшуюся от Восточной Европы до Китая» [Backhouse, 2002: 40]. В общественных и гуманитарных науках такие примеры можно приводить бесконечно, но и в естественных, технических и медицинских науках в случае по крайней мере прикладных разработок полного универсализма не наблюдается.

Конкретные рекомендации для современной России

Надо быть реалистами – современная Россия не обладает тем авторитетом в странах глобального Юга, который завоевал Советский Союз. Это распространяется на многие сферы, включая научную. Тем не менее наверстывать потери последних трех десятилетий придется, если Россия рассчитывает иметь в формирующемся полицентричном мироустройстве существенный вес. На государственном уровне требуется создавать прежде всего комфортные рамочные условия для научного сотрудничества с партнерами в странах глобального Юга и обеспечивать расширение информированности о российских достижениях за рубежом.

В первом случае, например, идет речь о создании совместных конкурсных программ по линии Российского научного фонда (РНФ), причем без тематических исключений. Ученые и технологически ориентированные компании сами найдут себе достойных партнеров, если им не будет создано искусственных барьеров. В качестве яркой иллюстрации напомним, что решениями отечественных чиновников несколько лет назад общественные и гуманитарные науки были исключены из приоритетов российско-индийского сотрудничества. В результате с научными организациями самой «англоязычной» страны глобального Юга со значительными расходами на НИОКР, второго по значению торгового партнера России, в 2024 г. праздновавшего юбилей семьи Рерихов, российским исследовательским центрам невозможно реализовывать совместные гранты РНФ.

Во втором случае речь идет о комплексе мер, которые можно было бы охарактеризовать как продвижение «мягкой силы». Для некоторых почти не нужны финансовые затраты, но они требуют усилий российских специалистов, которые, скорее всего, должны поддерживаться государственным заданием, направляемым в действительно профильные организации. Прежде всего речь идет о проверке имеющейся информации в авторитетных зарубежных изданиях о российских научных организациях. Например, три из четырех новичков БРИКС, активно развивающие контакты с Россией, расположены на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Кого же в дорогостоящем ежегодном фолианте, выходящем уже семь десятков лет в знаменитом международном издательском доме *Routledge*, команда *Europe Regional Surveys of the World* относит к ведущим исследовательским организациям России по странам Ближнего Востока и Северной Африки? Только Центр Ближнего Востока РИСИ и Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова [The Middle East..., 2022: 1261]. В справочнике не нашлось места ни отметившему два века своих научных школ Институту востоковедения РАН, ни занимающимся регионом более полувека ИНИОН РАН, ИМЭМО РАН и

Институту Африки РАН, ни Санкт-Петербургскому государственному университету. Таких примеров – множество.

Более сложной задачей является издание тематических, особенно иллюстрированных энциклопедий, как на русском языке, так и их переводных версий на английском. Пока российские ученые не смогли создать серий книг, которые по масштабам или по качеству оказались бы сопоставимы с современными западными образцами (советским ученым иногда это удавалось). Достаточно полистать многочисленные привлекательные тематические британские энциклопедические издания «Дорлинг-Киндерсли», чтобы понять, что роль России почти всегда преуменьшается, причем часто не по злему умыслу – британским и американским читателям закономерно больше рассказывают о собственных странах, а также их союзниках (к тому же российские достижения не всегда разрекламированы в принципе). Например, в более чем 500-страничной всемирной истории сообщается, что в 1773 г. капитан Джеймс Кук пересек Антарктический круг (в то время как в России бушевало восстание Емельяна Пугачёва). Когда и кто открыл саму Антарктиду, данная книга, однако, умалчивает [History..., 2018: 267]. В этой связи не приходится удивляться, что до сих пор ряд стран высказывает территориальные претензии на открытый россиянами материк. На фоне разговоров высокопоставленных чиновников о необходимости появления в России «правильного» аналога Википедии (т. е. народной, непрофессиональной энциклопедии) в условиях, когда не удалось перевести Большую российскую энциклопедию в электронный формат, сделав национальный аналог англоязычной универсальной энциклопедии «Британника», рассуждать о какой-либо конкуренции России с США и Британией в сфере тематических энциклопедий пока не приходится.

Немногом лучше обстоят дела с переводом российских монографий и научных журналов на иностранные языки. Снова ключевой проблемой является отсутствие должного финансирования сферы НИОКР в России. Вероятнее всего, для научных журналов вполне приемлем уже апробированный в системе Российской академии наук выборочный перевод на английский язык нескольких лучших статей из номеров русскоязычных журналов, индексированных, по крайней мере, в RSCI. При этом около тысячи журналов в переводном варианте могли бы издаваться с меньшей периодичностью либо несколько близких по тематике журналов в английской версии были бы представлены одним сводным изданием (по образцу *Social Sciences*). Для определенной тематики с целью охвата большей аудитории в странах глобального Юга потребуется перевод также на испанский, китайский, возможно французский, португальский и арабский языки, в отдельных случаях на более редкие восточные (например, на вьетнамский для статей, посвященных Вьетнаму). Для налаживания контактов с целью проведения совместных исследований российским научным организациям требуется сочетание ставки на использование «основных» европейских языков в научных контактах с партнерами на глобальном Юге с постепенным расширением числа специалистов со знанием восточных языков, что потребует ревизии многих вузовских программ подготовки кадров.

Наконец зарубежные ученые, особенно в странах глобального Юга, нуждаются в своего рода навигаторах в море русскоязычной научной литературы. В условиях, когда имеются автоматические переводчики, особенно хорошо работающие в случае европейских языков (включая русский), достаточно давать аннотированные англоязычные библиографии русскоязычных статей российских авторов. Тогда заинтересовавшийся иностранный читатель сможет прочитать с помощью переводчика на удобном ему языке почти любую российскую научную публикацию из большинства российских журналов из базы RSCI, которые обычно предоставляют в сети Интернет режим открытого доступа. Дополнительный эффект, бесспорно, дало бы расширение международного книгообмена, включающего и научные журналы, России со странами глобального Юга. Библиотеки в этих странах чаще заинтересованы в литературе не столько на русском языке, сколько на английском, а в ряде стран на испанском и французском. Институт научной информации по общественным наукам РАН пытается развивать этот вид «мягкой силы», запланировав в 2025 г. включить в качестве обмениваемой литературы первые тематические англоязычные библиографии, подготовленные в ИНИОН РАН по актуальным темам (например, о публикациях российских авторов на русском языке про Африку после проведения первого саммита Россия–Африка).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Володина М.А. (2020) Образовательная политика в арабских странах как фактор нациестроительства (на примере Марокко, Алжира и Ливана). *Общественные науки и современность*. № 6. С. 90–102. DOI: 10.31857/S086904990013052-9

Зуев В.Н., Островская Е.Я., Левина В.А. (2024) Потенциал сотрудничества между Россией и МЕРКОСУР в условиях санкций. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 17. № 2. С. 168–188. DOI: 10.31249/kgt/2024.02.09

Кузнецов А.В. (2024) Краткосрочные успехи и долгосрочные задачи экономического развития России на Восток. *Научные труды ВЭО России*. Т. 248. С. 251–262. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-251-262

Кузнецов А.В., Соколов С.В. (2022) Продвижение Китайской национальной инфраструктуры знаний и интересы России в мировом научно-информационном пространстве. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 15. № 3. С. 117–133. DOI: 10.31249/kgt/2022.03.07

Яковлев П.П. (2022) Взаимодействие России с латиноамериканскими странами в условиях геополитического перелома. *Актуальные проблемы Европы*. № 3. С. 227–253. DOI: 10.31249/ape/2022.03.10

Backhouse R.E. (2002) *The Penguin History of Economics*. The Penguin Books. X, 369 p.

History Year by Year (2018) The Ultimate Visual Guide to the Events that Shaped the World. 2nd ed. UAE : DK, Penguin Random House. 512 p.

Lee H.Y., Hamid M.O., Hardy I. (2023) English and regional identity in ASEAN. *World Englishes*. Vol. 42. P. 239–253. DOI: 10.1111/weng.12571

Li X. (2018) What is the publication language in humanities? The case of Translation Studies scholars. *English Today*. P. 1–8. DOI: 10.1017/S0266078418000202

Mair Ch. (2024) English in Germany as a foreign language and as a lingua franca. *World Englishes*. Vol. 43. P. 244–258. DOI: 10.1111/weng.12641

Modiano M. (2024) Introduction: English in Europe. *World Englishes*. Vol. 43. P. 204–209. DOI: 10.1111/weng.12647

The Middle East and North Africa 2023 (2022). 69th ed. London; New York: Routledge. Xxiii, 1283 p.

The Importance of European Languages for Russian Scientific Contacts with the Global South

A.V. Kuznetsov

Corresponding member of the Russian Academy of Sciences

Doctor of Sciences (Economics)

Director and chief researcher, Institute of Scientific Information

for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

51/21, Nakhimovskiy Avenue, Moscow, Russia, 117418

E-mail: Kuznetsov@inion.ru

Abstract. In recent years, Russia has been rapidly turning towards the East and the global South as a whole. First of all, the country's changed foreign policy priorities and shifts in the geography of its foreign trade attract attention, but there is also an intensification of Russian scientific ties with a number of developing countries. At the same time, there are many difficulties with the development of scientific contacts with the countries of the Global South, and the essential issue is to develop the right strategy to minimize existing language barriers. The article shows the growing, but still limited role of the English language in scientific activity. It is demonstrated that states with a fairly large population and a developed R&D sector sometimes do not take minimal steps themselves to preserve any significant role of the national language in scientific activity, which is especially important to understand in contemporary Russia. At the same time, the languages of the former European metropolises, not only English, but also French, Spanish and Portuguese, play an important role in the scientific life of many countries of the Global South. In this regard, the successful positioning of Russian research organizations and their achievements requires a combination of the use of “main” European languages in scientific contacts with partners in the Global South with a gradual expansion of the number of Russian specialists with knowledge of Oriental languages. A separate task, and one that allows to find new solutions in the digital age, is to promote the Russian-language segment of publications abroad. Among other things, this area of application of “soft power” can be carried out through the preparation of thematic English-language bibliographies.

Keywords: language of science, dominance of the English language, preservation of the importance of national languages, Russia's turn to the Global South, soft power, thematic English-language bibliographies

DOI: 10.31857/S0201708324070143

REFERENCES

Volodina M.A. (2020) Obrazovatel'naya politika v arabskikh stranah kak faktor naciestroitel'stva (na primere Marokko, Alzhira i Livana) [Educational policy in Arab countries as a factor of

nation-building (on the example of Morocco, Algeria and Lebanon)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 6, pp. 90–102. DOI: 10.31857/S086904990013052-9

Zuev V.N., Ostrovskaya E.Ya., Levina V.A. (2024) Potencial sotrudnichestva mezhdru Rossiej i MERKOSUR v usloviyah sankcij [The potential of cooperation between Russia and MERCOSUR in the context of sanctions]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, parvo*, 17(2), pp. 168–188. DOI: 10.31249/kgt/2024.02.09

Kuznecov A.V. (2024) Kratkosrochnye uspekhi i dolgosrochnye zadachi ekonomicheskogo razvorota Rossii na Vostok [Short-term successes and long-term objectives of Russia's economic turn to the East]. *Nauchnye trudy VEO Rossii*, 248, pp. 251–262. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-251-262

Kuznecov A.V., Sokolov S.V. (2022) Prodvizhenie Kitajskoj nacional'noj infrastruktury znaniy i interesy Rossii v mirovom nauchno-informacionnom prostranstve [Promotion of the Chinese National Knowledge Infrastructure and Russia's interests in the global scientific and information space]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, parvo*, 15(3), pp. 117–133. DOI: 10.31249/kgt/2022.03.07

Yakovlev P.P. (2022) Vzaimodejstvie Rossii s latinoamerikanskimi stranami v usloviyah geopoliticheskogo pereloma [Russia's interaction with Latin American countries in the context of a geopolitical turning point]. *Aktual'nye problemy Evropy*, 3, pp. 227–253. DOI: 10.31249/ape/2022.03.10

Backhouse R.E. (2002) *The Penguin History of Economics*. The Penguin Books. X.

History Year by Year (2018) The Ultimate Visual Guide to the Events that Shaped the World. 2nd ed. UAE : DK, Penguin Random House.

Lee H.Y., Hamid M.O., Hardy I. (2023) English and regional identity in ASEAN. *World Englishes*, 42., pp. 239–253. DOI: 10.1111/weng.12571

Li X. (2018) What is the publication language in humanities? The case of Translation Studies scholars. *English Today*, pp. 1–8. DOI: 10.1017/S0266078418000202

Mair Ch. (2024) English in Germany as a foreign language and as a lingua franca. *World Englishes*, 43, pp. 244–258. DOI: 10.1111/weng.12641

Modiano M. (2024) Introduction: English in Europe. *World Englishes*, 43, pp. 204–209. DOI: 10.1111/weng.12647

The Middle East and North Africa 2023 (2022). 69th ed. London; New York: Routledge. Xxiii.